

**ФАРМАКОПЕЯ
И ОБРАЗ БУДУЩЕГО В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ
PHARMACOPŌEIA
AND THE IMAGE OF THE FUTURE IN SCIENCE FICTION**

© 2017

И.В. Саморукова

I.V. Samorukova

В статье рассмотрены тексты, созданные в шестидесятые годы XX века – время расцвета научной фантастики, когда образ будущего был связан с внедрением научных и технических открытий. В изучаемых научно-фантастических романах обсуждаются возможные последствия использования веществ и технологий, которые меняют сознание человека. Проблема широкого использования психотропных веществ, расширяющих границы сознания, широко обсуждалась в США и Западной Европе, однако и в странах так называемого соцлагеря, включая СССР, фармакологические проекции будущего также встречаются. Научная фантастика шестидесятых задумывается именно о социальной технологии применения веществ, о политике их массового использования, в отличие от авторов XIX века, рассматривающих вещества как практику индивидуальной трансгрессии. В статье сопоставляются три текста: «Остров» О. Хаксли, «Лезвие бритвы» И. Ефремова и «Футурологический конгресс» С. Лема. Серьезным утопиям Хаксли и Ефремова, полным опасений и надежд на гипотетически возможный идеальный мир, в котором фармакопея послужит самопознанию и самосовершенствованию человека, противостоит едкий памфлет С. Лема «Футурологический конгресс» (1971), который был откликом на результат «психоделической революции» – повального увлечения западного мира психотропами, воспринимавшимися как панацея от социальной напряженности и стрессов. Человеческая природа, столкнувшись с «суммой технологий», терпит у польского фантаста жалкое фиаско, вместе с жанром самой научной фантастики как проекта возможного светлого будущего.

Ключевые слова: научная фантастика; фармакопея; утопия; сатирическая дистопия; Олдос Хаксли; Иван Ефремов; Станислав Лем.

The article considers the texts created in the sixties of the twentieth century – the heyday of science fiction when the image of the future was associated with the introduction of scientific and technological discoveries. In the science fiction under consideration the possible use of substances and technologies that change human consciousness is dwelt upon. The problem of the widespread use of psychotropic substances, expanding the boundaries of consciousness, have been widely discussed in the United States and Western Europe, and in the so-called Soviet bloc, including the USSR, pharmacological projections of the future can also be met. Science fiction literature of the 1960ies raises the issues of social technologies for the substances application, the policy of their mass use, whereas the authors of the 19th century who considered the substances as individual transgression in practice. The article compares and contrasts the three following texts: “Island” by Aldous Huxley, “The razor's Edge” by Ivan Efremov and “The Futurological Congress” by Stanislaw Lem. Serious utopias of Huxley and Efremov, utopias that are full of fears and hopes for the hypothetical perfect world, in which the Pharmacopoeia would serve human self-knowledge and self-perfection, are opposed by the pamphlet by Stanislaw Lem “Futurological Congress” (1971) which was a response to the result of the “psychedelic revolution” – the craze of the Western world psychotropics, which were thought to be the panacea to social tension and stress. Human nature, when faced with a “total technology”, suffers from the Polish science fiction writer miserable fiasco, along with the genre itself, science fiction as a draft of a possible bright future.

Keywords: science fiction; pharmacopoeia utopia; satirical dystopia; Aldous Huxley; Ivan Efremov; Stanislaw Lem.

Для сопоставительного анализа мы взяли тексты, созданные во времена расцвета science fiction, в шестидесятые годы XX века, когда образ будущего связывался с внедрением научно-технических открытий.

Научно-фантастические романы, рассматриваемые в статье, обсуждают возможные последствия использования веществ и технологий, меняющих человеческое сознание.

Интерес к этой теме связан с экспериментами в области воздействия на человеческий мозг синтезированных к тому времени психотропов, в частности ЛСД, свойства которого впечатляли. Проблема широкого, если не сказать массового использования ЛСД, расширяющего, как считалось, границы сознания, широко обсуждалась в США и Западной Европе, однако и в странах так называемого соцлагеря, включая его опору – СССР, фармакологические проекции будущего также встречались.

Так, роман И. Ефремова «Лезвие бритвы» (1964), в котором описываются опыты с ЛСД, проводимые в лаборатории академического института, был написан в один год с «Островом» О. Хаксли. В жанровом отношении эти два текста тоже похожи. Это романы-трактаты, оживленные приключенческой интригой. Строго говоря, они рассказывают не о будущем. Действие «Лезвия бритвы» и «Острова» развертывается в современности, которая предстает как прообраз будущего.

«Остров» О. Хаксли – одна из последних социальных утопий.

Место действия – в буквальном смысле остров, затерявшийся в Индийском океане. Именно там развертывается психотропная утопия, скромно процветает образцовое гармоничное общество – своеобразный интеркультурный эксперимент. Совершенное, хотя и небогатое, общество «Острова» создают раскаявшиеся в своем проекте западные колонизаторы. Горстка западных интеллектуалов нашла земной рай – неиспорченное современной цивилизацией поселение «дикарей» – и посвятила себя его гуманистической культивации. В естественный образ жизни аборигенов интеллектуалы внесли минимум изменений, малую толику рациональности, состоящую в основном в ограничении деторождения (аспект, связанный со страхами перенаселенности планеты, характерными для времени создания романа). Основа существования общества общество «Острова» – разумное ограничение материального, духовное самосовершенствование и служение ближнему.

В «Острове» Хаксли акцент делается на интенсификации внутренних ресурсов личности, а не на тотальном применении современных технологий, включая фармакологические. Хаксли допускает лишь натуральные психотропы, о которых люди знали с древних времен. Чудесные грибы, употребление которых на острове рационально ограничено и сопряжено с напоминающими инициацию ритуалами, помогают освободить сознание от ложных ценностей и стереотипов цивилизованного общества: жажды наживы, склонности к насилию и агрессивному доминированию.

Тему веществ, меняющих саму природу человека, Хаксли начинает уже в «Дивном новом мире» (1932). Важно заметить, что писатель задумывается именно о социальной технологии применения веществ, о политике их массового использования – в отличие от авторов XIX века, рассматривающих вещества как практику индивидуальной трансгрессии. В романе «Дивный новый мир» он изображает фармакопею – институализированное использование веществ с целью регулирования социального поведения человека. В 1932 году фармакопея Хаксли читается как метафора идеологии: химия и генетика в «Дивном новом мире» направлены на то, чтобы сделать человека предсказуемым и управляемым. Изображаемый в романе мир самым решительным образом осуждается.

В начале обнадёживающих шестидесятых Хаксли снова возвращается к идее фармакопеи, предлагая ее руссоистскую версию – мир острова, где западный разум встречается с восточными таинствами.

В этом плане устройство жизни на острове Хаксли можно назвать прообразом коммун хиппи, вскоре размножившихся, кстати, неподалеку от изображенной Хаксли локации. Предлагаемый Хаксли проект использования психотропов для освобождения сознания близок к аналогичным идеям контркультуры шестидесятых, и неслучайно имя Хаксли занимает в ее архиве почетное место рядом с Т. Лири, С. Гроффом

и прочими идеологами психоделической революции [1].

Коммуна Хаксли – действительно остров, единственный в своем роде анклав гармоничного общества, со всех сторон окруженный миром чистогана. Таким он предстает главному герою – нанятому транснациональными корпорациями репортеру. Этот экологический рай буквально переводит мировосприятие журналиста, которого вся его предшествующая жизнь в цивилизованном обществе убедила, что миром правят деньги и простые удовольствия. На острове царит любовь, свободная в своих сексуальных предпочтениях, лишенная собственнических инстинктов, ревности, корысти. Довольствуясь взаимной поддержкой, люди живут заботой друг о друге, живут долго, познавая себя, и уходят с миром.

Однако международный бизнес интересуют только ресурсы острова, ради контроля над которыми они не останавливаются ни перед чем. Коммуна, отрицающая насилие, не в состоянии сопротивляться грубой силе. В финале мы видим, как на остров утопии вторгаются войска подкупленного международным капиталом диктатора, и на глазах читателя этот мир жестоко уничтожается, ибо он слишком хрупок и беззащитен. Роман Хаксли пропитан не скепсисом, а горечью осознания неизбежного краха всех утопических проектов. Мир чистогана слишком агрессивен и жесток, коварен и подл, чтобы терпеть рядом альтернативные проекты социального устройства.

В «Лезвии бритвы» тема веществ, меняющих сознание, обсуждается в более оптимистической перспективе. В 1962 году была принята программа КПСС, в которой был взят курс на построение коммунизма в 1980 году. В программе было записано, что основная цель коммунистического общества – воспитание всесторонне развитой личности. Задача современной науки в связи с этим – исследование возможностей человека, его скрытых ресурсов. В «Лезвии бритвы» и обсуждается данная проблема.

Действие романа происходит в настоящем, в котором эти суперлюди уже суще-

ствуют, надо их только обнаружить, помочь им раскрыться. Психотропы и ЛСД пока полупулегально, под личную ответственность врача Гирина, испытываются в лаборатории научно-исследовательского института. Врач Гирин и сам отчасти сверхчеловек. Он владеет гипнозом и другими способностями, которые вскоре назовут экстрасенсорными. Однако Гирин – советский ученый, марксист и материалист, а потому убежден в материалистической природе сверхспособностей. Двойственный характер экспериментов по воздействию стимуляторов на человеческое сознание, этическая проблематика этой биотехнологии передается через метафору бритвенного лезвия.

В романе Ефремова, как во всех романах фантастики ближнего прицела, опасность исходит от разлагающегося капитализма, от его беспринципных дельцов. Другая угроза таится в самом человеке, в его нравственной зрелости и готовности нести ответственность за использование своего таланта. Грань между добром и злом здесь тонка и судьбоносна, как лезвие бритвы.

Сверхспособности и чудесные возможности должны контролироваться. Страсти – от жажды познания до физиологических аффектов – губительны, поскольку отрывают человека от реальной действительности, от созидания. Поэтому использование веществ, активизирующих способности, должно происходить в научных лабораториях, под контролем специалистов высокого этического уровня.

В этом плане примечателен следующий эпизод. Гирин проводит эксперимент по воздействию ЛСД на древние слои мозга. Он надеется обнаружить явление глубинной памяти, которая поможет историкам детально восстановить жизнь человеческого вида в доисторическую эпоху. Испытуемым является давний друг Гирина – сибирский охотник. Под воздействием вещества он видит себя собственным предком. Это трип подробно документируется.

Испытуемому охотнику понравилось ощущение древней силы, звериной мощи, которые посетили его под воздействием

препарата. Он просит Гирина повторить опыт, но получает решительный отказ: в психотропах таится легкий путь к удовольствию, мнимому счастью, что не соотносится с моралью и жизненными целями человека будущего. Таким образом, фармакологию, включая психотропы и наркотики, капитализм, одурманивающий людей в погоне за прибылью, использует во зло, но хорошие люди смогут пройти по этому лезвию – лезвию бритвы.

В другом эпизоде романа молодой ученый, горячий последователь Гирина, позволяет себе мечтать, как чудесные вещества уже в скором времени решат проблему стресса и сделают всех счастливыми. Советским гражданам не придется ждать победы коммунизма, ибо полноту бытия они ощутят прямо сейчас. В ответ на это Гирин указывает на недопустимость гедонистических целей употребления веществ, их цель – лечить и пробуждать то, что заложено природой.

Вопросы этики Ефремов поднимает буквально в каждом эпизоде. Контролировать фармакопею должны особые, высоко духовные люди, в этом им помогают спецслужбы, потому что вещества, как и другие магические артефакты, могут попасть в лапы беспринципных деляг. Цель всегда определяет средства и обеспечивает их контроль. Этика и идеология формируют потребности.

Фармакологические средства не единственный способ открыть способности: в романе описывается и особое излучение от редчайших камней – осколков метеорита, психофизические практики, медитации, искусство. С этими явлениями тоже требуется осторожность, этическая щепетильность, бдительность, и здесь тоже применяется метафора лезвия. Искусство, например, может быть разрушительным. Нетрудно догадаться, какое это искусство: с одной стороны, буржуазный масскульт с насилием, порнографией и мелкотемьем, с другой – формалистические трюки авангарда.

Ворчание в адрес западного масскульта особенно любопытно, поскольку сюжетная линия романа в значительной степени состоит из «штампов» этого западного масс-

культа, как их понимали «по эту сторону железного занавеса» – похоть, жадность, подлость, наркотики.

«Лезвие бритвы» – это роман-программа, полный лекций и научных трактатов, описания экспериментов, отчетов о достигнутых результатах. В этом тексте реализуется «фантастическое как возможное», когда герой и читатель сталкиваются с настоящими чудесами (например, с черной короной, стирающей память), а потом все это достоверно, с опорой на данные науки, объясняется [2, с. 23; 3, с. 8–9]. Пространное описание загадочных фактов и неожиданных открытий сближает «Лезвие бритвы» с жанром научно-популярной литературы. Именно этому тексту, вышедшему ограниченным тиражом, доступным немногим читателям-современникам, в значительной степени обязана своим появлением советская паранормальная вера в индийских йогов, тибетских монахов, экстрасенсорные способности.

Серьезным утопиям Хаксли и Ефремова, созданным в начале шестидесятых, романам-трактатам, романам-программам, полным опасений и надежд на хотя бы гипотетически возможный идеальный мир, в котором фармакопея послужит самопознанию и самосовершенствованию человека, противостоит едкий памфлет С. Лема «Футурологический конгресс» (1971).

Повесть была откликом на результат «психоделической революции» – повального увлечения западного мира психотропами, воспринимавшимися как панацея от социальной напряженности и стрессов. В 1967 году в США потреблялось свыше 800 тысяч фунтов барбитуратов и 10 миллиардов таблеток амфетамина, чтобы снять действие барбитуратов [4, с. 240]. На конгрессе всемирной психиатрической ассоциации (Лондон, 1967) были обнародованы шокирующие данные: за три последних года в государственной системе здравоохранения Великобритании было выписано свыше 40 млн. рецептов на психотропные препараты, исключая транквилизаторы, антидепрессанты и седативы [4, с. 241].

Герой повести «Футурологический конгресс» Йон Тихий мобилизуется на Землю, потому что здесь имеют место серьезные проблемы: перенаселенность, нехватка ресурсов, терроризм.

В гротескно фантастическом мире Лема социальные проблемы решаются посредством «психимии» – основной отрасли будущего. Синтетические препараты протезируют эмоции, знания, ощущения – саму жизнь. Лем перечисляет десятки препаратов, названия которых образованы от корней тех чувств и состояний, которые они замещают. Люди все это глотают, лижут, вдыхают, едят и пьют.

«Психимия» управляет человеческим мозгом. Наши ощущения, как установлено наукой, – продукт химических реакций в нем. Воздействие веществ – прямой и самый экономичный способ адаптировать человека к чему угодно, расширить сознание до полной потери чувства реальности, на пустом месте вызвать радость или экстаз. В одном из эпизодов «Футурологического конгресса» рассказывается, как Йон Тихий колотит себя по щекам, чтобы избавиться от вызванного распылителем умиления. Управлять эмоцией у героя Лема не слишком получается, хотя в попытке сделать это он себя изрядно ранит.

На исходе шестидесятых фармакопоя признается Лемом безусловно опасной, потому что ее власть основана на иллюзорном восприятии реальности.

Фармакопее трудно сопротивляться. Чтобы увидеть, какова реальность, надо принять ударную дозу «отрезвина». Это вещество снимает с иллюзорной реальности одну пелену за другой, и мир выглядит все безобразнее. Так, приняв «отрезвин», Йон Тихий видит заснеженный Нью-Йорк, по которому ползут полуразложившиеся зомби. Мир выглядит как воплощенный ад, однако

его обитатели думают, что едут на шикарных автомобилях.

Лем ничего не советует. Он констатирует: «психимия», будь то явь или галлюцинация, слишком далеко зашла. Обсуждать перспективы ее применения – поздно.

В сущности, мир уже мертв и сам себе кажется, прогресс – это всего лишь коллективная галлюцинация. На самом деле имеет место Апокалипсис. Или только кажется? Йон Тихий с самого начала за себя не вполне отвечает, ибо находится под воздействием постоянно распыляемых в пространстве психотропов, которые различные политические силы используют в борьбе за влияние на умы участников футурологического конгресса. Герой Лема сам галлюцинирует, поэтому его оценке нельзя доверять в полной мере. Этим герой Лема радикально отличается от мудрецов Хаксли или резонера Гирина из «Лезвия бритвы», которых можно вполне назвать рупорами авторских идей и сомнений. Фигуру ненадежного повествователя [5, с. 12–18] Лем доводит до логического предела.

Вещества и аэрозоли Лема, впрочем, указывают не на одну «психимию», не только на чудовищно-бессмысленную фармакопую. «Психимию» Лема можно рассматривать как метафору современных технологий промывки мозгов, целью которых является маскировка реально существующих в обществе проблем.

В отличие от произведений Хаксли и Ефремова, действие «Футурологического конгресса» происходит в неопределенном будущем, где фармакопоя является лишь одной из воплотившихся фантазий человечества наряду, например, с полетами к другим планетам. Человеческая природа, столкнувшись с «суммой технологий», терпит у польского фантаста жалкое фиаско, вместе с жанром самой научной фантастики как проекта возможного светлого будущего.

* * *

1. Лири Т. Испытание будущим / под ред. Р. Форте ; пер. с англ. Ш. Валиева. М. : Ультракультура, 2004. 448 с.
2. Тодоров Ц. Введение в фантастическую литературу. М. : РФО Дом интеллектуальной книги, 1997. 144 с.
3. Саморукова И.В. Конструирование фантастического в литературе // Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема) : сборник материалов международной научной конференции 29–31 марта 2007 г. Самара : Самарский государственный аэрокосмический университет, 2009. С. 8–11.
4. Рошак Т. Истоки контркультуры. М. : АСТ, 2014. 380 с.
5. Жданова А.В. Нарративный лабиринт «Лолиты»: Структура повествования в условиях ненадежного нарратора. Тольятти : ВУиТ, 2008. 165 с.